

**ИЗ ФОНДОВ
КУЛЬТУРЫ**

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ К ФИЛОСОФИИ. XIX ВЕК

© 2010

Т.И. Липич, В.В. Липич

Авторы работают в Белгородском государственном университете.

Липич Тамара Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры философии.

Липич Василий Васильевич — доктор филологических наук, декан филологического факультета. В журнале «Человек» публикуются впервые.

Взаимовлияние русской литературы и философии, продуктивность их взаимосвязи, уникальности этого опыта в культурной истории человечества отмечались многократно. Мы бы хотели обратить внимание на один малоисследованный аспект: *соразмерность* отечественной философии человеку, соразмерность, которую задала отечественной философской мысли наша литература XIX века.

Философия не является элементом повседневности. В то же время она имплицитно присутствует в жизни любого индивида. Понимание философии как одного из фундаментов подлинного, цивилизованного, а значит, и нравственного бытия человека было заложено в диалогах Платона. С тех пор в истории гуманитарно-философской мысли интерес к человеку никогда не ослабевал. Вместе с тем, по крайней мере, со времен Декарта рациональность (и философия в качестве ее высшего воплощения) стала трактоваться как нечто автономное от человека.

Русская литература XIX века представила уникальный опыт философствования о человеке. Опыт, не приемлющий теоретизирование как самостоятельное занятие; предполагающий погружение, присутствие «предельных», «вечных» вопросов в повседневности. Напомним лишь три примера, свидетельствующих о неизменной приверженности русских литераторов идее философии с «человеческим лицом».

Пушкин. «Моцарт и Сальери»: «Поверил я алгеброй гармонии». Монолог Сальери, в уста которого поэт вложил эти слова, не оставляет сомнения, что избранный путь «поверки» является тупиковым для творчества. Он не найдет отклика в человеческой душе, «алгебра» не раскроет скрытую в ней «гармонию». Холодный прагматический расчет внечеловечен. Более того, он бесчеловечен: «Гений и злодейство — две вещи несовместные».

Знаменитое тютчевское «Умом Россию не понять...». Очевидно, что речь идет не о геополитических реалиях, а о неких

путях, способах осмысления русской души, характера, менталитета. Поэт предлагает методологию, которая выходит за рамки философии: “В Россию можно только верить”. В действительности, это тоже философия, погруженная в повседневность, философия, придающая человеку жизненную силу.

И, наконец, суждение Л. Толстого: “Философия, чисто умственная есть западное уродливое явление”. На наш взгляд, высказывание примечательно тем, что отчетливо отражает главную интенцию отечественных литературы и философии XIX века, во всяком случае, его последней четверти, когда споры западников и славянофилов практически сошли на нет. Конечно, сегодня этот тезис воспринимается неоднозначно. Думается, именно Толстому российская, да и мировая культура обязана тем, что для множества людей литература (читай, нравственная философия) стали регулятивами повседневной жизни.

Постараемся детально проанализировать, какое “человеческое лицо” пыталась придать философии русская литература. И философию, и литературу, и историософию отличал вечный поиск “метафизической почвы”, на основе которой складывались различные направления русской мысли. Вместе с тем всегда существовало единое социокультурное пространство национального развития. С другой стороны, важнейшим фактором в начале XIX века становится вхождение отечественной гуманитарной мысли в общеевропейский теоретико-познавательный контекст. Он дает возможность применить типологические категории, выработанные западноевропейской философией (в частности, “философия и эстетика романтизма”) для понимания отечественной гуманитарной культуры. Решающее значение для оценки состояния философской культуры имеет не абстрактное сопоставление различных типов философской деятельности, а конкретный анализ процесса производства философского знания.

Каждый народ имеет свое время, свои национальные условия и предпосылки, свой интеллектуальный стаж для зарождения национальной философии. Характеризуя этот процесс, Гегель отмечал, что сознание в сомнениях и муках выходит из безразличного покоя непосредственной жизни и поднимается над житейской суетой, и мир становится для него мыслительной загадкой, которую ему придется разгадать. Пробуждению такого самосознания предшествует определенный исторический период и национальный исторический опыт. Как писал Ильин, “У каждого народа есть известная ступень духовной зрелости, на которой он сознает особенности своего национального духа и своей национальной культуры и уразумевает, что ему даны свыше Дары, и что он воспринял их своеобразно. Тогда нация постигает свой религиозный смысл”¹.

Особенно выпукло процесс идентичности предстает в переломные периоды, когда чаще всего активизируются романтические умонастроения, в какие бы номинации они не облака-

¹ Ильин И. Родина. Русская философия. Православная культура. М., 1992. С. 88.

лись. Романтизм — явление переходное. В России начала XIX века философия и философствования охватывают все стороны русской интеллектуальной жизни, вторгаются в литературу, науку, искусство, политику и т. д. Идет активный поиск российской модели философствования. Литература начинает обретать особый статус философии — рефлексивного сознания, оформленного через художественные образы. Этот статус позже сделает ее “рупором и совестью нации”. С поразительной синхронностью философия и литература обратились к исследованию внутреннего мира человека переходной эпохи. Впервые была осуществлена попытка объяснить мир через человеческое Я, через его подвижную и противоречивую структуру. Поэтому глубокое насыщение произведений литературы философскими исканиями её героев во многом определялось центральной проблемой духовной жизни России — поисками путей освобождения личности, пробуждения её самосознания, модели самоидентификации, важнейшими из которых являлись западничество и славянофильство. На особенностях упомянутых концептов мы не будем останавливаться, поскольку они более чем подробно описаны в литературе.

Разнообразные романтические философские сочинения как теоретико-прозаические, так и поэтические, в равной мере отвечали на злободневные запросы жизни. Философское мышление, проникшее в художественный образ, устанавливает между эстетическим субъектом и объектом новые связи и соотношения. Именно в области философии, эстетики и литературы осуществляются в русской культуре поиски возможностей целостного проявления личности. Благодаря поэтическим и прозаическим усилиям Веневитинова, Шевырева, Киреевского, Баратынского, Одоевского, а также художественному опыту Пушкина, Лермонтова, Тютчева постепенно начинает формироваться русская философская литература. Особый — литературно-поэтический язык описания, выбранный философствующими романтиками для реализации своих теоретических проектов, настраивает нас на понимание специфики русской философии, сформировавшейся в стороне от магистралей западного философского рационализма. Художественный язык мысли изначально давал простор для неклассического развития философии.

Поэзия по сути может быть предельно абстрактной, рассудочной, а философский текст, в свою очередь, — образным, воспроизводящим эмпирическое восприятие мира, но, тем не менее, принципиальные различия между двумя формами общественного сознания, между искусством и философией до конца не исчезают. Трудно не согласиться с мнением Маймина о том, что термин “философская поэзия” неустойчив по значению и, взятый вне исторического контекста, в достаточной мере условен². Эта условность детерминирована закономерным изменением представлений о содержании предмета философии, ее границах, а также степенью постижения и трактовки

² Маймин Е.А. Русская философская поэзия. Поэты-любомудры, А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев. М., 1976. С. 3.

творчества тех или иных поэтов. И, тем не менее, философская поэзия не является лишь механической сцепкой философии и поэзии. Ее язык не укладывается в рамки строгого логизированного осмысления различных проблем. Интуитивно, силой художественного отображения и предчувствия, она стремилась преодолеть видимость явлений, их внешнее обличье и проникнуть вглубь процессов, метафизическую или скорее, — трансцендентную — сущность.

Характерными в этом отношении являются стихи Веневитинова “Жизнь” и “Жертвоприношение”. Он анализирует человеческую жизнь с позиции собственного мировоззрения, вынося ей безапелляционный вердикт — вечный трагизм и обман: жизнь “...скучна как пересказанная сказка усталому пред часом сна”. В стихотворении “Жертвоприношение” поэт пытается обман жизни преодолеть естественным приобщением человека к духовным ценностям, к миру прекрасного, которое предстает у него в стремлении погрузиться в мир поэзии, являющейся, по мнению автора, своеобразной гарантией от суетности и пустотелости бытия:

Твоей пленительной изменой
Ты можешь в сердце поселить
Минутный огонь, раздор мгновенный,
Ланиты бледностью облить
И осенить печалью младость,
Отнять покой, беспечность, радость,
Но не отымешь ты, поверь
Любви, надежды, вдохновений!
Нет! их спасет мой добрый гений,
И не мои они теперь.
Я посвящаю их отныне
Навек поэзии святой...³

Его размышления о жизни, смерти, пророческом предназначении поэта проходят красной нитью через все творчество. Поэзия для Веневитинова — высшая целостно-образная форма познания мира. Поэт — выражение всеобщности человеческого духа, представитель субстанциональных сил мироздания. Поэтому поэзия у Веневитинова в трагическом акте смерти является единственным и высоким средством преодоления. Шевырев, друг и соратник Веневитинова, в стихотворении “Я есмь”, философски размышляя, пытается понять единство и эволюцию мироздания. Человек, как существо разумное, все усилия направляет на познание мира и, в конечном итоге, на познание “мирового разума”:

Да будет! — был глагол творящий
Средь бездн ничтожества немых:
Из мрака смерти — свет живящий
Ответствует на глас, — и вмиг

*Т. Липич,
В. Липич*
Вопросы
литературы
к философии.
XIX век

³ Веневитинов Д.В.
Полн. собр. стихотв.
Л., 1960. С. 226.

Из волн ожившего эфира
Согласные светила мира
По гласу времени летят,
Стихии жизнь кипят,
Хор тварей звуками немymi
Ответ творящему воздал;
Но человек восстал над ними
И первым словом отвечал:
Я есмь! — и в сей глагол единый, совершенной
Слился нестройный тварей хор,
И глас гармонии был отзыв во вселенной
И примирен стихий раздор⁴.

В центре поэзии любомудров-романтиков художник предстает как воплощение субстанциональных начал мироздания, которое является художественным произведением бога. Задача художника — перенести в произведение “гармонию мира”, выразить бесконечное в конечном. Хомяков в своем стихотворении “Поэт” пишет:

...Луч небесный
На перси смертного упал,
И смертного покров телесный
Жильца бессмертного приял.
Он к небу взор возвел спокойный,
И богу гимн в душе возник;
И дал земле он голос стройный,
Творенью мертвому язык⁵.

Чтобы квалифицировать произведение в качестве философского необходимо: во-первых, проявление в нем истинно философского ядра — размышления о взаимодействии, взаимоотношении идеального и материального, духовного и природного, субъекта и объекта, вечного и преходящего, божественного и земного. Так, в стихотворении Тютчева “Сижу задумчив и один”:

За годом год, за веком век...
Что ж негодует человек.
Сей злак земной!..
Он быстро, быстро вянет — так,
Но с новым летом новый злак.
И лист иной.
И снова будет все, что есть,
И снова розы будут цвести,
И терны тож...
Но ты, мой бедный, бледный цвет,
Тебе уж возрожденья нет,
Не расцветешь!⁶

⁴ Шевырев С.П. Стихотворения. Л., 1939. С. 1.

⁵ Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 11.

⁶ Тютчев Ф. И. Лирика. Собр. соч. в 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 70.

Тютчев сопоставляет скоротечную человеческую жизнь и вечно живую материю. Это диалектическое единство человека и природы носит драматический характер. Только природа вечно жива и свободна в этой беспредельной бездне бытия.

Авторские размышления могут выступать в различных творческих модификациях, которые определяются характером эпохи и берут начало в философских идеях времени, а также естественнонаучной картиной мира, степенью участия религии в духовной жизни народа. Но во всех случаях данность сущностного — метафизического начала — характерная черта и неотъемлемый признак философской поэзии.

Во-вторых, важнейшей чертой является диалогичность, вовлечение читателя в процесс размышления, обнаружение невидимого духовного центра Другого. «Осознание самого себя все время ощущает себя на фоне сознания о нем другого, “я для себя” на фоне “я для другого”»⁷.

В сферу подлинной философской рефлексии попадает проблема времени, сопряженная с темами неизбежности личной смерти и бессмертия, вечной жизни духа, народа, человечества. У Тютчева в одном из самых глубоких философских стихотворений “Два голоса”:

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно.
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!
Над вами светила молчат в вышине,
Под вами могилы — молчат и оне.
Пусть в горном Олимпе блаженствуют боги:
Бессмертье их чуждо труда и тревоги;
Тревога и труд лишь для смертных сердец...
Для них нет победы, для них есть конец.
Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
Как бой ни жесток, ни упорна борьба!
Над вами безмолвные, звездные круги,
Под вами немые, глухие гроба.
Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь роком,
Тот вырвал из рук их победный венец⁸.

Это произведение содержит мысль о том, что человек достойно и мужественно перед лицом смерти решает вечные проблемы бытия в своем стремлении постичь истину. Но эти вопросы не имеют однозначного и окончательного решения. Сам факт обращения и приобщения к этим общечеловеческим темам, преодоление “дурной бесконечности” бытовой рутины, прозы жизни свидетельствует о желании наполнить ее высоким духовным смыслом.

Отечественная философская поэзия начала XIX века, как и творчество зарубежных корифеев, включали мощную фило-

⁷ Бахтин М.М. Проблема поэтики Достоевского. М., 1963. С. 227.

⁸ Тютчев Ф. И. Лирика. Собр. соч. в 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 98.

софско-гуманистическую составляющую. Специфика российской ситуации заключалась в том, что отечественная философская поэзия выступала в форме неофициальной, неклассической, внеуниверситетской философии. Она выражала идеи, которые далеко не всегда становились объектом рассмотрения академического дискурса. Именно в философской поэзии в первую очередь поднимались глубочайшие вопросы бытия, духовного мира человека, которые подчас игнорировались и оставались за рамками полемики радикалов и консерваторов. «Философия есть высшая поэзия, — писал Веневитинов. — Истинные поэты всех народов, всех веков были глубокими мыслителями, были философами, и, так сказать, венцом просвещения»⁹.

Одной из художественно-философских особенностей русской философской поэзии является её религиозно-философское наполнение. Обращение к религиозным формам, к религиозной мифологии и символике могло выражать и выражало значительное философское содержание — соотношение знания и веры, основ нравственности, вопрос о деянии и воздаянии, свободе духа, о смерти и бессмертии.

Гачев, отметив всеохватность, универсальность и функциональную емкость роли отечественной литературы того времени справедливо подчеркивал, что «вся мощь русской классической литературы заключается в том, что она в XIX веке выполняла роль национальной русской философии. И не только философии, но еще и политики, и нравственности»¹⁰. Эпоха потребовала новых жанров, которые были бы наполнены огромным философским потенциалом, и они не замедлили возникнуть. В критике появляются обзоры, представляющие разнообразный анализ современного состояния литературы, построенные либо в форме философских диалогов, либо — монологов-рассуждений (Надеждин, Киреевский, Веневитинов, Полевой и др.). Не остается в стороне и публицистика. В ней особенно популярным становится жанр философического письма (Чаадаев, Станкевич, Максимович, Одоевский и др.). В русской литературе того времени в процессе напряженных исканий шла трансформация традиционных жанров философского романа и повести. В 1830-х годах появляется философическая повесть. Надеждин следующим образом определил ее суть: «Повесть философическая представляет избранный момент жизни как развитие идеи, как решение умозрительной задачи. Смысл должен находиться в ней самой: и философическая повесть должна его не вносить, а указывать»¹¹. И подобная рефлексия, усиление интеллектуализма, помноженного на поиск не отвлеченных, а подлинно жизненных идеалов, осознание собственного творчества как послания становятся доминантой литературно-философских поисков на протяжении XIX века.

Конечно, не обошлось без влияния немецких поэтов, писателей, философов-романтиков, которые не отрицая метафизи-

⁹ Веневитинов Д.В. Сочинения. Проза. М., 1831. С. 18.

¹⁰ Гачев Г. Образ в русской художественной культуре. М., 1981. С. 12.

¹¹ Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 321.

ки человека акцентировали внимание на субъективных, экзистенциальных аспектах бытия человека. Раньше всех это отразилось в поэзии. По мнению Э. де ля Барта, «она выражает не только гармонию мнений и красоту форм, но и мировую гармонию, таинственную связь между нашим “Я” и природой, между жизнью индивидуума и жизнью вселенной»¹².

В “Русских ночах” В. Одоевского, книге философской и мировоззренческой, на страницах которой ведутся “сократовские диалоги нашего времени”, тема вселенско-поэтического занимает первостепенное место. В ней естественной антитезой бездуховному миру, в котором уже проглядывают черты критики “умственного Запада”, выступает личность поэта, воплотившая в себе все самые возвышенные и благородные качества индивида. В то время, пожалуй, только Пушкину и Одоевскому удалось так выразительно показать, что мир, построенный на отношениях эгоистической выгоды, убивает все самые лучшие человеческие чувства и порывы.

Тонкое и вместе с тем глубокое, органичное взаимопроникновение чувств и разума составляет одно из главных направлений развития литературы и философской мысли того периода. Идея не только не заслоняет живой образ, но часто содействует его возникновению. Философское мышление, проникшее в художественный образ, устанавливает между эстетическим субъектом и объектом новые связи и соотношения. Именно в области философии, эстетики и литературы осуществляются в русской культуре поиски возможностей целостного проявления личности. По справедливому замечанию Лосева, «русской философии, в отличие от европейской, и более всего немецкой философии, чуждо стремление к абстрактной, чисто интеллектуальной систематизации взглядов... Русская философия неразрывно связана с действительной жизнью, поэтому она часто является в виде публицистики, которая берет начало в общем духе времени, со всеми его положительными и отрицательными сторонами, со всеми его радостями и страданиями, со всем его порядком и хаосом... В связи с этой “живостью” русской философской мысли находится тот факт, что художественная литература является кладезем самобытной русской философии. В прозаических сочинениях Жуковского и Гоголя, в творениях Тютчева, Фета, Льва Толстого... часто разрабатываются основные философские проблемы, само собой в их специфически русской, исключительно практической, ориентированной на жизнь форме»¹³.

В первой половине XIX века в России тесное взаимодействие, творческий диалог литературы и философии были обоюдозаинтересованными. Но в значительной мере именно литература сформировала “творческий заказ” для философии, представляя тот образ человека, его забот, поисков, сомнений, который философия призвана была осмыслить. В свою очередь сама философия не мыслила себя вне образных форм познания человека.

*Т. Липич,
В. Липич*
Вопросы
литературы
к философии.
XIX век

¹² Де ля Барт Э. Литературное движение на Западе в первой трети XIX столетия. М., 1914. С. 142.

¹³ Лосев А. Ф. Страсть к диалектике. М.: Сов. писатель, 1990. С. 73–74.